

Исламская революция в Индонезии

Кембридж: Типография Кембриджского университета, 2020.
270 страниц.

КЕВИН ФОГГ (KEVIN FOGG)

В годы, последовавшие за окончанием Второй мировой войны, Индонезия стала свидетелем ожесточенных столкновений между местными жителями и возвращающимися колониальными державами. Около ста тысяч человек или более погибли, миллионы других были перемещены, а повседневная жизнь была наполнена нуждой, страданиями и неопределенностью. Получивший название «Индонезийская революция», этот переломный момент в истории Юго-Восточной Азии длился четыре долгих года, кульминацией которых стало создание хрупкой нации 27 декабря 1949 г. после столетий голландского господства. Возникновение крупнейшей в мире мусульманской страны привело к разгулу государственного насилия, гражданских беспорядков и волнений: между правящим правительством и его противниками, между исламскими силами и секуляристами, а также между теми, кто имел разные представления о том, как должна выглядеть индонезийская нация.

Рецензируемая книга обращает наше внимание на исламские аспекты Индонезийской революции. В какой-то степени эта история была рассказана большим количеством ученых. «Ислам и создание нации»/“*Islam and the Making of the Nation*”

Кьяры Формичи (Chiara Formichi) (2012) и «Ислам и политика в Индонезии»/“*Islam and Politics in Indonesia*” Реми Мадинье (Remy Madinier) (2015) среди других недавних монографий, глубоко вникли в динамику мусульманского сопротивления колониальным и постколониальным режимам. «Исламская революция в Индонезии» Кевина Фогга расширяет границы существующей литературы, смещая чрезмерный акцент на выдающихся лидерах революции (таких как Сукарно, Хатта, Шарир, Нацир, Сутомо и Судирман) на вклад масс или людей, забытых большинством официальных нарративов. Его работа отходит от локально ориентированного исследования исламских революционных движений, действующих на разных островах Индонезийского архипелага, чтобы привести убедительные доводы в пользу проведения анализа на национальном уровне. Прежде всего в книге переплетаются официальные архивные источники и свыше 120 интервью и бесед с участниками и свидетелями революции. Этот последний вклад, возможно, является наиболее заметным и делает эту работу образцом для будущих исследований по этой теме.

Книга разделена на две части и тринадцать глав. В главе 1 описываются массовые преобразования индонезийского мусульманского населения в XX в. под голландским колониальным правлением накануне Второй мировой войны. Голландская политика обострения разногласий среди номинальных и благочестивых мусульман, а также среди традиционалистов и реформистов парадоксальным образом сблизила разрозненные группы. Вместе они боролись за независимость Индонезии. Фогг объясняет рост революционного рвения среди мусульман их растущим разочарованием при голландцах, которое достигло опасного уровня в период японского междувластия. На заключительном этапе войны спонсируемые Японией мусульманские ополченцы взяли ситуацию в свои руки, и это послужило толчком к революции. В этом описании упущен тот факт, что антипатия ко всему «неисламскому», «светскому» и «иностранным» среди многих религиозно настроенных мусульман развилась в течение многих десятилетий еще до появления японцев. Это были, так сказать, долговременные причины революции, которые нуждались в том, чтобы ускорить или спровоцировать события, чтобы разжечь полномасштабную революцию.

Главы 2–5 — лучшие и самые захватывающие части книги. Улемы, активисты и ополченцы, по словам Фогга, использовали фетвы, манифесты, амулеты, магию и экстатические со-

стояния для мобилизации и ведения ожесточенных сражений против голландцев. Можно было бы лучше объяснить, как эти средства сопротивления были так оперативно распределены, как они передавались в обществе и быстро распространялись по разным частям Индонезии в таком запутанном и бурном контексте. Читая подробное описание, старательно обеспеченное Фоггом, мне вспоминается устаревшее, но все еще влиятельное исследование Теды Скочпол об иранской революции (Theda Skocpol, *Theory and Society* 11:3), где она объяснила, как сети активистов в некоторых революционных контекстах соединяли современные коммуникативные инструменты с традиционными методами устного общения и манипулировали для распространения революционных идей и получения поддержки в условиях постоянных репрессий. Теоретические идеи Скочпол можно было бы развить или даже подвергнуть сомнению в свете индонезийского опыта. Действительно, индонезийские исламские революционеры, как и их иранские коллеги, не всегда были эффективны перед лицом технологически и стратегически превосходящей силы. И все же, благодаря своему упорству, настойчивости и изощренности в передаче информации, исламские революционеры, многие из которых были женщинами (66), сделали многое, чтобы нанести серьезный ущерб голландской военной машине и моральному духу пособников колониализма. Исламские революционеры искоренили остатки общественного страха перед старым феодальным порядком и тем самым усилили стремление к *merdeka* (независимости).

Многое из того, что Фогг описывает в Главе 6, вполне стандартно, почти не отклоняется от исследования Кьяры Формичи о сепаратистском движении *Дарул Ислам* (Chiara Formichi, *Darul Islam*) (Обитель ислама), уходящем своими корнями на Западную Яву и снискавшем симпатии в других частях Индонезии. Тем не менее эта глава важна тем, что в ней *Дарул Ислам* изображается не как уникальный эпизод в индонезийской истории, а как часть более широкой истории исламской военизированной реакции на колониализм и его предполагаемые воплощения. Главы 7–12 (составляющие часть II) имеют те же ограничения, что и глава 6: эти главы проливают мало нового света на уже хорошо задокументированные события Джакартской хартии, создание и сложный путь «Машуми» (Masjumi, Partai Majelis Syuro Muslimin Indonesia, Совет индонезийских мусульманских ассоциаций), первые годы существования Министрства религии и непростые судьбы исламских партий.

В этих главах Фогг мог бы уделить больше места рассмотрению исламских акторов среднего или микроуровня, а не воспроизводить довольно знакомый ландшафт политики высокого уровня, описанный во многих историях революционной Индонезии. Однако в целом вторая часть книги демонстрирует основную точку зрения Фогга: исламский фактор индонезийской революции затронул все слои мусульманского общества, молодых и старых, элиту и народ, мужчин и женщин. Глава 13 «Исламская дипломатия» компенсирует недостатки предыдущих глав. Там Фогг проливает свет на роль индонезийских студентов, путешественников и рабочих, базирующихся на Ближнем Востоке, в Австралии, США и Чешской Республике, в мобилизации поддержки иностранных правительств и институтов для продвижения их борьбы за самоопределение. Дипломатия так же, как и воинственность, была важной частью сражения за независимость. Сейчас крайне необходима монография-исследование о роли индонезийских мусульман за границей в формировании нового национального государства в разгар революции и сразу после нее. Мы благодарны Фоггу за то, что он открыл нам глаза на этот историографический пробел.

Ценный источник, который вскоре станет основой многих курсов по исламу в современном мире; ученые, пишущие об антиколониальных революциях и революциях в целом, вполне могут счесть эту книгу полезной в качестве основы для сравнения при исследовании использования и злоупотребления религией в освободительных движениях.

ХАЙРУДИН АЛДЖУНАЙД (KHAIRUDIN ALJUNIED)
Доцент, Факультет Искусств и Социальных Наук
Национального Университета Сингапура, Сингапур

doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3401